

ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH161210-226>

Тимохин Д.М.,
к.и.н., старший научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
horezm83@mail.ru

Тишин В.В.,
к.и.н., старший научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского Отделения РАН, Улан-Удэ, Россия
tihij-511@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ О СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КЫПЧАКОВ В IX–XIII ВВ.

Пилипчук Я.В. Соціальна історія кипчаків у IX–XIII ст. Київ – Вінниця: Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова, ТОВ «ТВОРИ», 2018. – 340 с.

Аннотация: Данная публикация представляет собой рецензию на вышедшую в 2018 г. монографию украинского исследователя Я.В. Пилипчука «Соціальна історія кипчаків у IX–XIII ст.». Авторами отмечается актуальность озвученной в названии проблематики, обуславливающей интерес к подобного рода работам. Однако, при ближайшем рассмотрении, по мнению рецензентов, выясняется, что книга Я.В. Пилипчука не соответствует заявленному названию. Кроме того, что в данной работе наблюдается явная диспропорция между материалом, имеющим непосредственное отношение к социальной проблематике, и тем, который может быть признан таковым условно, социальные вопросы в целом затронуты крайне поверхностно и противоречиво. Рецензентами отмечен и ряд других недостатков книги Я.В. Пилипчука, касающихся, прежде всего, методики и методологии автора, а также его работы с источниками и научной литературой. На основе высказанных замечаний рецензенты приходят к выводу, что данная работа не может быть признана вносящей какой-либо вклад в изучение социальной истории кыпчаков.

Ключевые слова: кыпчаки; социальная история Дешт-и Кыпчак; тюркские кочевые племена; историография; исторические источники.

CHRONICLE AND BIBLIOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH161210-226>

Dmitry M. Timokhin,
PhD (History), Senior Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
horezm83@mail.ru

Vladimir V. Tishin,
PhD (History), Senior Researcher
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch of RAS, Ulan-Ude, Russia
tihij-511@mail.ru

A REVIEW OF THE MONOGRAPH ON SOCIAL HISTORY OF THE QIPCHAQS IN THE 9TH – 13TH CENTURIES

**Pilipchuk Y.V. Social history of Qipchaqs in the IX–XIII centuries.
Kiev – Vinnitsa: National Pedagogical University of
M.P. Dragomanov, “CREATIVITY”, 2018.**

Abstract. The present paper is a review of the monograph “Social history of Qipchaqs in the IX–XIII centuries.” by the Ukrainian researcher Y.V. Pilipchuk. The authors of the article highlight the relevance of the issue stated in the title due to the interest in this kind of works. However, upon closer examination, the content of Pilipchuk’s work turns out to be inconsistent with its title. In addition to the fact that there is a clear disproportion between relevant to social issues material and that which can be conditionally recognized as such, social problems as a whole are raised in quite a shallow and controversial way. A number of other shortcomings, relating primarily to the author’s methodology and his use of historical sources and scientific literature is also noted by the reviewers. Based on the remarks made, reviewers conclude that this work cannot be recognized as making any contribution to the study of the social history of the Qipchaqs.

Keywords: Qipchaqs; social history of Desht-i Qipchaq; Turkic nomadic tribes; historiography; historical sources.

Любая монография, посвященная тематике номадизма и имеющая в своем названии сочетание «Социальная история...», не может не привлечь к себе внимания, поскольку обозначенная в ней проблематика входит в круг наиболее дискуссионных вопросов в изучении кочевнических обществ. У искушенного читателя может возникнуть невольная аналогия с известной работой А.М. Хазанова «Социальная история скифов» [1], которая считается классической и на сегодня также задает высокую научную «планку», соответствия которой хочется ожидать от всех работ подобного плана.

Автор представленной на суд читателя монографии [2], Я.В. Пилипчук, хорошо известен научной публике как весьма плодовитый автор с довольно широким кругом интересов – как в хронологическом, так и в региональном диапазонах – начиная от киммерийцев и скифов и заканчивая берберами и бурятами. В своих статьях он касается также довольно разнообразного круга вопросов – от миграций кочевников до политогенеза и дипломатии. Специалистам в соответствующих сферах виднее, насколько значимы его изыскания, например, по этнолингвистической атрибуции носителей именьковской археологической культуры, миграциям венгров, истории дунайских болгар, Караханидов, внешней политике Крымского ханства или империи Сефевидов, однако, особое место в творчестве этого автора занимает история кыпчаков. Об этом можно судить, по крайней мере, по тому, что ее касалась кандидатская диссертация Я.В. Пилипчука [3] и ей посвящены четыре монографии – две авторские [4; 5] и две написанных в соавторстве [6; 7], на одну из которых мы уже имели возможность написать рецензию [8].

Социальная история кыпчаков, – если понимать под этим историю социальных отношений у круга кочевнических племен, известных в источниках под наименованием кыпчаков, куманов, половцев и др., – предметом специального монографического исследования, насколько нам известно, еще не становилась, хотя, безусловно, эта проблематика, так или иначе, затрагивалась в работах ряда исследователей. Я.В. Пилипчук, решившийся взять на себя ответственность заполнить существующую в науке лакуну, уже во введении многообещающе объявляет, что его монография – «це фактично перша спроба комплексного дослідження соціальної та етнічної історії кыпчаків у IX–XIII ст.». «Ця студія є спробою реконструкції соціальних структур, звичаїв та вірувань, які існували на теренах західноєвразійських степів у вказаний час», – пише он, поясняя далее: «Важливо, щоб дані писемних джерел узгоджувалися з даними археологічних та етнографічних досліджень» [2, с. 6, ср. на с. 10]. Целью исследования является «реконструкція соціальної та етнічної історії кыпчаків IX–XIII ст.», и далее формулируются задачи исследования [2, с. 6–7], перечень которых позволяет предположить, что содержание понятия социальная история он связывает с гораздо более широким кругом вопросов.

В этой связи очень важным представляется обозначение автором монографии объекта своего исследования, которым выступают «не лише соціальні структури, а й етноси» [2, с. 6]. И здесь может быть обозначен один из первых противоречивых моментов. Сам автор выше характеризует кыпчаков как «етнос» [2, с. 4], а далее трактует название кыпчаки как «етнікон», что в его трактовке – «етнонім, який для позначення етносу використовували сусіди, а не самі кипчаки» (видимо, правильнее – экзоэтноним). Здесь автор ссылается на положения конструктивизма. Он пишет, что «етнічними кипчаками була лише соціальна верхівка вождівств кочівників у Східній Європі наприкінці XI – у XIII ст.» [2, с. 5]. В итоге «етнікон» укоренился как самоназвание, претерпев эволюцию от наименования одного племени в составе кимеков до названия всей совокупности тюркоязычных племен степей Восточной Европы. Как отмечает автор, «у політичному сенсі кипчаки не являли собою моноліт, а були конгломератом різних кланів та племен, які часто проводили свою власну політику» [2, с. 5]. При этом «середньовічний кипчак не тільки знав те, що він кипчак, а й міг назвати плем'я та клан, до яких належав» [2, с. 5]. В определении признаков употребленного понятия этнос, автор следует Ю.В. Бромлею, отмечая среди них «проживання на певній території, порівняно стабільні особливості культури (мова та звичаї), наявність самоназви, тобто усвідомлення своєї єдності й протиставлення себе іншим». При этом следует оговорка, «що не всі ознаки етносу можуть бути прийнятними для кочівників», и далее идет пространное рассуждение, о том, что «певна територія для кочових народів є відносною», подкрепленное совершенно справедливым указанием на частые миграции, обуславливающие неутоичивость политических образований кочевников. Характеризуя эти образования как «конфедерації племен», автор, с одной стороны, верно отмечает их многоступенчатый иерархический характер, а также тот факт, что «конфедерації племен – це не держави окремого етносу, а лише аморфна політична структура племен, часто різного етнічного походження», при том, что, по его мнению, инородные группировки, включаясь в состав других объединений, должны ассимилироваться [2, с. 6]. С другой стороны, отсюда вытекает, что кыпчаки, как, например, огузы и печенеги, в представлении автора, уже являются устойчивыми этносами, и в этом случае мы не получаем ответа на вопрос, как они формировались изначально. Если кыпчаки были племенем в составе кимеков, последние тоже должны быть «этносом»? А племя с названием печенеги, как известно, являлись составной частью огузского объединения, при том, что оно отнюдь не тождественно печенегам Восточной Европы, то есть речь идет о двух группировках разного формата с одним и тем же названием. Это известное явление, когда часть какого-то кочевнического объединения может отколоться от исходной общности и оказаться в другой части степного мира – и как самостоятельная политическая единица, и как вошедшая в другое объединение, заняв место соответствующей таксономической единицы в структуре его социальной организации.

Известный пример следствия таких процессов – совпадение племенных наименований у ряда тюркских народов. Соответственно, попытка совместить советское понимание этноса с наработками конструктивизма, еще и без углубленного обращения к этому феномену не может считаться удачной.

В первой главе своей монографии «Джерельна база та стан дослідженості проблеми» [2, с. 8–56] Я.В. Пилипчук посвящает специальный (довольно объемный) раздел методологии работы, «Методологічні засади дослідження» [2, с. 8–20]. Он характеризуется не только непоследовательностью, но и противоречивостью приводимых рассуждений. Например, не совсем понятно отношение автора к упоминаемой им цивилизационной парадигме: то он отмечает перспективность цивилизационного подхода в изучении истории кыпчаков [2, с. 8, 18], то критикует подобные построения у других ученых [2, с. 16–17]. Другой заметной чертой является перечисление методов исследования, которые в самой работе впоследствии не обнаруживаются. Так, Я.В. Пилипчук упоминает «статистичний метод», говоря о его важности для работы с археологическими источниками, в частности, с материалами погребений для выявления ряда их характеристик, и, хотя сам указывает на значительную ограниченность этого метода для своей работы [2, с. 12], при чтении текста мы в дальнейшем не смогли обнаружить использования статистического анализа, но и вообще убедились в традиционном для авторов, работающих с письменными источниками, довольно попутном привлечении археологического материала. То же касается заявленного использования данных лингвистики и антропологии [2, с. 11]. Декларируемого метода картографирования [2, с. 10] в работе также не прослеживается.

В целом, при прочтении данного раздела работы, складывается впечатление, что автор просто перечислил все исследовательские методы, которые знает, или информацию о которых смог обнаружить, но без всякого понимания того, что они из себя представляют. Показателен следующий пример. На с. 11 упоминается «історико-порівняльний метод», а на с. 13 – «порівняльно-історичний (компаративний) метод», при этом их применение характеризуется по-разному. Означает ли это, что в понимании автора существуют отдельно историко-сравнительный и сравнительно-исторический метод?

В разделе 1.2 «Стан дослідженості проблеми» [2, с. 20–39], исходя из тематики книги, ожидалось, что акцент при анализе исследовательской литературы должен быть сделан на работах, касающихся социальной проблематики. Здесь же фактически рассматривается историография «історії кипчаків як великого кочового народу». По крайней мере, можно было, предпослав краткий очерк истории изучения кыпчаков, выделить специальный блок, где были бы разобраны взгляды исследователей на те или иные значимые для данной монографии вопросы и вообще подведены итоги степени разработанности тех или иных аспектов темы.

Даже в этом случае перед нами не анализ историографического наследия,

а, по сути, аннотированная библиография, построенная, кроме того, по не совсем понятным принципам. Прежде всего, автор включает сюда самые разноплановые работы, посвященные не только собственно истории, но и ряду вопросов, касающихся, в частности, источниковедения и языкознания, никак не разграничивая их. Так, например, здесь обнаруживается статья Е.И. Кычанова «Сведения в “Юань-ши” о переселениях кыргызов в XIII в.» [9, с. 59-65], что является не единственным примером подобного рода. Среди множества фамилий авторов самого разного калибра из разных стран не нашлось место В.В. Бартольду. При значительном внимании к наследию отдельных национальных исследовательских школ, в частности венгерской, нет упоминания работ Д. Немета. Фактически отсутствуют работы турецких ученых.

Сам принцип членения приводимой литературы, в частности, объединение авторов по группам также вызывает вопросы. Я.В. Пиличпук исходит не то из национальной принадлежности, не то из места работы того или иного ученого. Например, он считает возможным говорить про «російське сходознавство» с первой четверти XX в., включая сюда многих советских ученых [2, с. 23 и далее], и отдельно об исследованиях 70-х – 80-х гг. XX в. в Украине, Грузии (чуть ранее), Казахстане [2, с. 26–28]. Какие бы политические события ни происходили сегодня, все же думается, что касательно советского периода рассматривать названных там исследователей в рамках каких-то отдельных традиций нецелесообразно.

Принцип определения этнополитической принадлежности того или иного автора также не всегда понятен. Если, например, работавший в Российской империи П.В. Голубовский отнесен к «українським дослідникам» [2, с. 20], как и О. Прицак, большую и наиболее плодотворную часть жизни проработавший в ФРГ и США [2, с. 20, 36], то В.Ф. Минорский, большую часть жизни проработавший и лучшие труды издавший в Великобритании, назван «видатним російським сходознавцем у вигнанні» [2, с. 24]. Про А. Нимета (Курата) говорится как про одного из «турецьких дослідників» [2, с. 27], но тогда, быть может, и его, по аналогии, следует назвать татарским исследователем, работавшим в Турции? Даже при таком подходе в рядах «російських» ученых заметен некоторый принцип странного «дробления». Так, например, о деятельности Р.Г. Кузеева говорится относительно «студій, виданих в Башкортостані». Здесь мы узнаем про «тувинського історика І. Кизласова» [2, с. 25], хотя, если следовать логике Я.В. Пилипчука, И.Л. Кызласов, скорее, должен быть связан с хакасским народом. Вслед за перечнем результатов российских исследователей, работавших после 1991 г. [2, с. 32–36], в монографии следует обзор работ украинских коллег [2, с. 36–38], а далее нам встречается «татарська іраністка» А. Арсланова [2, с. 38]. А как быть с Я.А. и Г.С. Федоровыми, второй из которых – урожденный кумык и всю жизнь проработал в Дагестане? Каким образом, следуя логике автора, нужно было бы характеризовать, например, А. Гаркавца или А.М. Хазанова?

Третий раздел этой главы монографии, посвященный корпусу исторических источников [2, с. 39–56], испытывает отчасти те же проблемы, что и раздел историографический. Надо отдать должное автору, что ему удалось собрать практически все исторические источники, в той или иной степени содержащие данные о кыпчаках, а логика структурирования внутренних подразделов в данном случае не вызывает вопросов. Однако, раздел не содержит источниковедческого анализа памятников, а, скорее, лишь пересказ данных об их информационном потенциале по теме исследования. Естественно, не следует требовать от автора подробного анализа всех использованных им письменных источников, как это ожидалось бы в работах собственно источниковедческого характера, однако, зачастую, даже для самых важных источников, как, например, в случае с сочинением Джувейни, Я.В. Пилипчук не указывает, на каких текстах или источниках информации базировался тот или иной историк [2, с. 46], хотя это давно и хорошо известно. Для критического обзора можно воспользоваться специальными источниковедческими исследованиями, где основная работа уже проделана. Встречаются, однако, и противоположные моменты, когда приводится ряд мнений, связанных с критикой источника, но при перечислении ряда фамилий и связанных с ними точек зрения автор совершенно не ссылается на работы, из которых он это почерпнул. В частности, это абзац, касающийся труда Ибн Хордадбега, или абзац, посвященный сочинению Гардизи, заканчивающиеся лишь одной ссылкой на издание перевода памятника [2, с. 41, 45–46]. Эта черта, между прочим, характерна и для других частей монографии.

Свойственны этому разделу как мелкие погрешности (например, сочинение Джузджани написано в один год (1260) с упомянутым текстом Джувейни, но между ними по какой-то причине «вклинивается» труд Закарийи ал-Казвини, законченный, как отмечает и сам Я.В. Пилипчук, в 1280 году), так и более существенные ошибки или же собственно авторские «находки». Так, в отношении сочинения ан-Насави в монографии сказано: «Хроніст вказував на суперництво між канглами та йемеками. За свідченнями хроніста, батько Теркен-хатун і вона сама належали до клану байаут племені йебек. Мати Джелал ад-Діна Ай-Чічек-хатун та Амін ал-Мульк належали до канглів» [2, с. 43]. Однако, в тексте ан-Насави нет ни слова о племенной принадлежности матери Джалал ад-Дина, Ай-Чичек, а вопрос о происхождении Теркен-хатун не может решаться на базе одного этого источника с учетом противоречия с другими памятниками [10].

Главной проблемой, вырисовывающейся уже в этом разделе монографии Я.В. Пилипчука и отразившейся на всей остальной части работы, является то, что автор строит свои суждения относительно интерпретации того или иного источника на основании чужих исследований или же переводов памятника [2, с. 41]. Безусловно, сложно требовать от исследователя знания всех необходимых для изучения соответствующей тематики языков, однако, как показывает и сам этот раздел, и список использованной литературы,

публикаций памятников на языках оригинала автор не использовал вообще. Представляется, что в настоящее время любая исследовательская работа едва ли может считаться продуктивной, если изыскания, претендующие на оригинальную интерпретацию исторических эпизодов, вопросов ономастики и этнонимик и, базируются исключительно на переводах.

Основная часть монографии Я.В. Пилипчука состоит из пяти глав (со второй по шестую), где, как выясняется при ознакомлении с текстом, две вовсе не имеют никакого отношения к социальной истории. Это глава третья «Акультурація та асиміляція кипчаків» [2, с. 104–144], посвященная, в сущности, изложению событийной истории, исключительно по вторичным источникам, и глава четвертая «Військова справа у кипчаків» [2, с. 144–182], характеризующаяся интересной, хотя несколько бессистемной подборкой фактического материала.

Мы остановимся на второй главе «Кипчаки: від племені до конгломерату племен» [2, с. 57–103], наглядно демонстрирующей общие черты, присущие книге Я.В. Пилипчука. Первый (2.1) раздел, «Поява кипчаків на авансцені історії», [2, с. 57–67] полностью состоит из перечисления тех или иных точек зрения различных исследователей на вопросы, связанные с ранними этапами истории кыпчаков, переплетенными с историей ряда других племен. Они лишь изредка разбавлены приведением данных источников. То же можно сказать и о следующем разделе (2.2) «Етніми та родоплемінна структура Дашт-і Кипчак» [2, с. 67–81], в частности, об описании длительной дискуссии о происхождении, значении и соотношении «этноконов» (см. выше) *куманы*, *половцы* и *кыпчаки* [2, с. 67–71], где также нельзя найти какой-либо собственной оценки Я.В. Пилипчука. Характерно, что автор в очередной раз демонстрирует неразборчивость в привлекаемой литературе, помещая в один ряд и известных специалистов, и авторов, абсолютно не подготовленных к теме, с которой они решили связаться (например, Ю.А. Евстигнеев на с. 67, 70, 71, 218).

Наконец, подраздел «Конфедерації та племена» [2, с. 71–81], включает сводку известных в источниках этнонимов, соотносимых с теми или иными племенными подразделениями кыпчаков, с приведением различных форм для каждого из этнонимов и краткой справкой о том, что писал о нем тот или иной исследователь. Я.В. Пилипчук зависим от последних, поскольку постарался по возможности заимствовать у них арабские написания, а там, где их не оказалось, обошелся где-то транслитерацией, где-то транскрипцией, выполненными также по разной системе. Характерно, что в других разделах мы ничего подобного не увидим, поскольку заимствовать написания было неоткуда. Это видно, например, в разделе 5.4 «Кипчацькі іменослов та мова» [2, с. 218–240].

В связи с последним замечанием невозможно обойти вниманием следующий сюжет из книги Я.В. Пилипчука. На с. 77 приводится такой текст: «Серед східних кипчаків було присутнє плем'я урані, про яке згадували Фахр ад-Дін

Мубарак-шах та Рашид ад-Дін. П. Голден наводить такі варіанти назви цього племені, як *Uran* та *Ören* (اوران). В арабсько-тюркському словнику етнонім зафіксований у формі *'wrān* зі значенням “змія”. У Рашид ад-Діна ат-Табіба зафіксована форма *uwṡān*. В османській мові є схожа назва **ewre:n*. Серед кипчацьких вождів був відомий Алп Кара Уран. Американський дослідник вважає їх частиною конфедерації, до якої входили байаути, ймеки та ольберліки [769, 117–118]. Серед східних кипчаків також було плем'я *йугур* (*Yuğur*, *Uyğur* (يوغور)). Про нього згадували Баха ад-Дін ал-Багдаді та Ахсікенті [769, 121]». Дело в том, что, несмотря на ссылку на следующую в библиографии под номером 769 работу П.Б. Голдена “*Cumanica IV: The Cumano-Qırçaq Clans and Tribes*” [11, p. 116–117], у почитеного американского исследователя, на самом деле, указания на упоминание этой формы у «Рашид ад-Діна ат-Табіба» нет. Сам же Я.П. Пилипчук во всех работах писал *уран*, вслед за С.М. Ахинжановым, который, в свою очередь, так же не будучи сведущ в восточных языках, ссылался на А.К. Курьшжанова. В нашей рецензии на одну из работ Я.В. Пилипчука было вслед за сэром Дж. Клосоном и Х. Эреном указано на правильное чтение приведенного в тюркско-арабском словаре XIV в. слова اوران [*'wṡān*] как *ewrān* [8, с. 214]. Соответственно Я.В. Пилипчук молчаливо принял это замечание и поправил себя. Но помимо того, что он не счел нужным оговорить эту неожиданную поправку, он не упомянул и об источнике поправки, откуда и было скопировано все написание. В первый раз она была сделана нами в коллективной монографии «Золотая Орда в мировой истории», где было приведено чтение сэра Дж. Клосона **ewre:n*, и здесь же вслед за В.В. Бартольдом указано на форму у Рашид ад-Дина [12, с. 32]. Я.В. Пилипчук не только никогда не употреблял форму имени «Рашид ад-Дин ат-Табиб» (и в его монографии такое написание встречается только единожды), но, видимо, не знал, что Рашид ад-Дина иногда именуют этим прозвищем, поскольку он был придворным врачом. Обыкновенно такой формой пользуется один из авторов данной рецензии. Кроме того, написание **ewre:n* выдает источник заимствования, поскольку сам Я.В. Пилипчук едва ли понимает, что означает «звездочка» перед словом, и что за «двоеточие» перед завершающей слово буквой /n/.

В целом этот раздел является своеобразной компиляцией разнообразного материала, а завершающий пассаж, начинающийся со слов «Таким чином...», ниоткуда не вытекает, потому что автор если и мог бы сделать какие-то выводы, то только из имеющейся историографии.

Эта черта характерна и для других частей работы. Как пример можно упомянуть раздел 2.4 «Демографічна мапа Дашт-і Кипчак» [2, с. 93–102], где предпринята попытка реконструировать динамику численности населения Дешт-и Кипчака [2, с. 95–102]. Текст исполнен множеством числовых данных о населении и количестве войска номадов степной Евразии самых разных эпох, в общем-то, без какого-либо завершения. В выводах [2, с. 102–103], где суммируется все сказанное, некоторые заявления оставляют читателя

в недоумении. Например, «Кай – це протомонгольське плем'я, яке було змушене мігрувати на захід під тиском киданів. Куни – це тюркське плем'я хунь китайських хронік (плем'я йабаку в Махмуда ал-Кашгарі)» [2, с. 103]. Дело не в том, соглашаться с этим утверждением, или нет, а в том, что неясно, как сам автор пришел к этим выводам.

Подробно рассмотрим главу пятую «Людина та соціум у Дашт-і Кипчак» [2, с. 183–243], которая, как хотелось бы ожидать, должна содержать разрешение проблем, связанных именно с социальной проблематикой. В действительности, здесь нас ждет абсолютное разочарование. Любопытно, автор, который решил бы затронуть круг предполагаемых вопросов, безусловно, по-своему выстроил логику и структуру работы, исходя как из характера источникового материала, так и из методологических предпочтений. Исследователи кочевников Восточной Европы X–XIV вв., как было показано уже в работах С.А. Плетневой и Г.А. Федорова-Давыдова, обладают достаточным количеством конкретного материала как письменных, так и археологических источников. Собственно, на этих, советских еще, работах Я.В. Пилипчук и базируется.

Раздел 5.1 носит название «Соціальна організація» [2, с. 183–198] и начинается с подраздела «Родинно-сімейні відносини» [2, с. 183–186]. Вначале автор затрагивает вопрос о форме и численности семьи у кочевников, вроде бы правильно исходя из того, что на сегодняшний день уже накоплен значительный сравнительный материал, освобождающий нас от необходимости самостоятельно заниматься подобными изысканиями [13, с. 227–231]. Однако, автор делает неожиданный поворот, когда пишет о том, что «розширена родина», зарегистрированная еще у скифов, было впоследствии заменена у кочевников «малою родиною», при этом «тільки у X – XII ст.», и далее мы узнаем о том, что «велика патріархальна родина» существовала «у цих кочівників у формі релікта», но более распространенной при этом была «нуклеарна (мала) родина» [2, с. 183]. Получается, что в представлении автора форма семьи у кочевников в течение исторического периода претерпела изменения от патриархальной до нуклеарной малой семьи (у автора, в среднем 6–7 чел.). Далее Я.В. Пилипчук пишет о том, что «у кипчацьких аристократів було кілька жінок та наложниць», отмечая для последних наименование *abynčy* [2, с. 183], ссылаясь при этом на изыскания С.Г. Кляшторного, писавшего, правда, о кочевниках древнетюркского периода. Кроме того, автор ссылается на работу А.М. Хазанова и рядом же стоит ссылка на книгу Н.А. Кислякова [14], не учитывая, что это две совершенно противоположные работы, с точки зрения подходов, и, соответственно, направления и характера выводов, потому они никак не могут стоять рядом друг с другом. Работа Н.А. Кислякова написана в русле типичной марксистской схемы, от которой Я.В. Пилипчук так призывал отказаться [2, с. 8].

Из сказанного Я.В. Пилипчуком далее [2, с. 183] мы узнаем о том, что у кипчаков существовал патрилинейный «рід», представляющий здесь и как генеалогическая, и как социально-политическая единица. Следом упоминается

«велика родина», состоявшая из нескольких «малих» (!), притом все они оказываются объединены кровнородственными связями, а «розширена родина» у номадов, выясняется, могла состоять из 30–40 человек. Вероятно, под категорией «велика родина» (с которой он, судя по всему, смешивает еще «розширену родину»), имеется в виду что-то иное – семейно-родственная группа, патронимия или что-то еще? Кроме того, если, следуя логике Я.В. Пилипчука, род состоял из семей, а глава рода распоряжался скотом, значит, скот не был частно-семейной собственностью? Ниже мы сможем встретить фразу: «Худобу кочівники позначали тамгою, тобто було видно, де чия власність» [2, с. 193]. Но о собственности какого характера идет речь, остается непонятным.

Отмеченные выше построения о характере рода и семьи [2, с. 183] завершает ссылка на работы Г.А. Федорова-Давыдова и на А.М. Хазанова. То есть Я.В. Пилипчук не только отказался от самостоятельного изучения социальных институтов кыпчаков, но пытается подменить конкретный материал выводами различных исследователей, сделанных при этом применительно к разным кочевым обществам, и, собственно, вновь исходящих из разных методических приемов, а потому и, в принципе, противоречащих друг другу. Для Я.В. Пилипчука это, по-видимому, не имеет значения, потому он просто собирает в один абзац все, что считает нужным вставить по тому или иному вопросу, завершая текст общей ссылкой, содержащей совершенно взаимоисключающие работы.

Автор возвращается к вопросам социальной организации в другом подразделе, где отмечает, что «основою суспільства була родина» (какая, не уточняется) и далее: «З декількох родин складалася община (кіш). Атрибутом влади вождя коша був казан», где следует ссылка на С.А. Плетневу [2, с. 191]. Сам термин *кош* («кіш») автор, разумеется, нигде в источниках не находит. Выше им указывалось, что *кош*, обозначал некий «патріархальний» «соціум» и также именовался *аул*. Там же указывалось, что члены большой семьи ели из одного казана [2, с. 183]. Значит ли это, что *кош* тождественен большой семье? Далее читаем: «З кількох кошів складався рід. Цікаво, що чорноризець Никон, який був кипчаком за походженням, прийняв християнство. Але він зробив це разом із усім своїм родом» [2, с. 191]. Если *род* разделялся на *семьи*, и также разделялся на *коши*, которые, в свою очередь, также состояли из нескольких семей, то непонятно, как все же соотносятся *семьи* и *коши* с точки зрения таксономических категорий в структуре хозяйственных и социальных единиц.

Эта же проблема проясняется в других контекстах. Так, автор отмечает, что «роди та клани об'єднувалися у плем'я. За винятком конфедерації племен, це була найбільша адміністративна одиниця у кочівників» [2, с. 191]. Возникает вопрос о соотношении категорий «рід» и «клан». Одно из заметных противоречий состоит в том, что выше автор уже четко определил «рід»: «У тюркських соціумах рід вівся від чоловічих предків, що підтверджують шежере

(родоводи) кипчацьких ханів, зафіксовані в Іпатіївському літописі та “Юаньші”» [2, с. 183]. Прежде он писал следующее: «Плем’я – це певна територіальна община, яка складається з родів певного походження та об’єднана владою певного харизматичного клану та територією кочів’їв. Плем’я об’єднане певними уявленнями про спільність походження (у кочових етносів, наприклад, роль об’єднавчого міфу відіграють степові генеалогії – шежере, які існують в усній формі)» [2, с. 5]. Автор противоречит себе, рассматривая «шежере», то как достоверный источник о происхождении «рода», то как орудие объединительной идеологии. Помня, что «рід» в его понимании – это, прежде всего, совокупность поколений, ведущих происхождение от одного предка, в некоторых контекстах [2, с. 6, 191] мы обнаруживаем его как социально-политическую единицу, располагающуюся на таксономическом уровне ниже, чем «клан» (напр. 2, с. 10, 18, 171). При этом клан, с одной стороны, как социально-политическая единица меньше таковой, обозначаемой как *племя* [2, с. 128, 276], но, как пишется, клан также может делиться на кланы (2, с. 181). В то же время клан также выступает как генеалогическая единица [2, с. 103], а понятие «харизматичний клан» также приравнивается к структурной единице социально-политического характера [2, с. 241]. Про эти «харизматичні клани» мы узнаем только то, что они были связаны с «харизматичними вождями» [2, с. 5, 16, 170], и что «таких харизматичних кланів було декілька на весь Дашт-і Кипчак» [2, с. 275]. Но природы этого явления мы из работы не поймем.

Из всех противоречивых контекстов можно лишь заключить, что автор, стремясь собрать воедино наработки исследователей, расходящихся в подходах к изучению социальной организации кочевников, смог только запутаться в этих вопросах, а, найдя все же у кочевников кровнородственные общины и род, выступающий одновременно, как генеалогическая единица и единица социальной организации, он так и не смог подняться над марксистским подходом.

Уже цитированный подраздел «Соціальна організація та право» [2, с. 186–195] рассматривает довольно широкий спектр вопросов, касающихся не только социальной организации, а содержит, например, попытки разобраться в титулатуре, при этом автор зачем-то прибегает к использованию данных о кочевниках предыдущих эпох – авар, хазар, огузов, кыркызов...

Можно привести еще ряд примеров, когда Я.В. Пилипчук слепо следует чужим выводам, не прибегая к попыткам их проверить. Так, например, вместо того чтобы самостоятельно выявить в источниках и исследовать терминологию родства, он просто дает некий перечень, цитируя А.В. Шабашова, который «провів дослідження тюркських термінів спорідненості, згаданих у літописах та хроніках» [2, с. 183–184]. В другом месте при трактовке встретившегося в летописном источнике слова *чадь*, в контексте «Ітларева чадь», Я.В. Пилипчук приходит к следующей трактовке: «Літописець міг мати на увазі і клан, і плем’я Ітларя» [2, с. 191]. Без всякого обоснования в качестве

аналогии им приводится категория, именуемая у тюрков «чорним народом», как «тюрки називали простих кочівників». Далее говорится о том, что «народ складався з особисто вільних кочівників, котрих називали “ерами”», следуя, очевидно, С.Г. Кляшторному, писавшему о древних тюрках (sic!). Стремясь, опять же вслед за этим историком, продемонстрировать наличие социальной дифференциации среди этого слоя, Я.В. Пилипчук приводит пример будто бы упоминания Махмудом ал-Кашгари бедняков, когда говорится «ер, подібний рабу». Это, однако, не так, поскольку в источнике под понятием *qulsiy är* имеется в виду обозначение мужчины, имеющего характер раба, с душой раба [15, р. 624; 16, р. 348].

Другие примеры показывают совершенное отсутствие внимания к важнейшим вопросам. Так, не вдаваясь в имеющиеся дискуссии, Я.В. Пилипчук приравнивает тюркское понятие «*mope*» (*törö, törü, törä* и др.), вне всякого конкретного историко-культурного контекста, и монгольское «Джасак» (sic!), рассматривая и то, и другое как «звичаєве право», с той лишь разницей, что в первом случае речь идет об устных формах передачи, во втором – о письменных [2, с. 192]. Рассуждая о таком явлении как угон скота, Я.В. Пилипчук приводит данные о различных наказаниях в отношении пойманных воров у казахов Нового времени, в том числе того, что касается выплаты *куна* и его размеров [2, с. 193–194], не поясняя, насколько адекватно переносить это на кыпчаков. Как отмечает Я.В. Пилипчук, «у казахів цей звичай називався *barimta* (чагатайське слово *baranta* – розбійницький набіг)». Само по себе это слово имеет монгольское происхождение и содержит именно эту семантику [17, S. 39], но при этом у самого явления есть еще более значимые функции, связанные с реципрокацией скота [13, с. 267], чего Я.В. Пилипчук не касается. Здесь же следом пишется про такое явление как суд биев, аналог существования которого Я.В. Пилипчук предполагает у кыпчаков [2, с. 194]. При использовании таких аналогий автор не стремится задаться вопросом, одина ли природа подобных собраний у разных народов? Насколько может, в частности, казахское *бийство* сопоставляться с неоднократно упоминаемой им (в том числе в этом контексте) кыпчакской «аристократией»? О том, что представляла собой последняя, из книги Я.В. Пилипчука, между прочим, понять так и не удалось.

Такие примеры можно умножить, но едва ли это необходимо. Можно лишь отметить, что до начала подраздела «Історична пам’ять та писемність» [2, с. 195–198], текст, касающийся социально-политической организации кыпчаков, занимает, таким образом, чуть меньше 13 страниц [2, с. 183–195]. Для сравнения – описанию деятельности султана Бейбарса посвящено 10 страниц [2, с. 106–115]. Надо ли говорить, что большая часть важнейших вопросов осталась не затронутой?

Можно привести еще примеры некорректного использования сравнительного материала. В частности, в подразделе «Житла кыпчаків» [2, с. 211–214] следует остановиться на замечании, перекликающемся с

вопросами хозяйственной и социальной организации. Я.В. Пилипчук пишет: «Табори тюрків склалися з 50–80 юрт і називалися *айлами* (аулами), чи більш правильно – кишлагом та джайляу (зимові та літні місця)» [2, с. 213]. Вообще *айл* – это монгольское слово, обозначающее семью изначально как хозяйственную единицу, которая может включать и одну, и более юрт. Тюркское слово *аул* сам автор выше [2, с. 183] использует как обозначение единицы социально-политической организации (как и *кіш*). Слова *кышлаг* и *джайляу* (автор использует формы, взятые из разных языковых групп, потому лучше было бы *кыстау* и *джайлау* или *кышлаг* и *яйлаг*) обозначают именно типы сезонных стоянок. Таким образом, указание, что «більш правильно» некорректно, поскольку речь идет о совершенно разных категориях. Кроме того, ожидалась бы ссылка, откуда автор берет цифры в 50–80 юрт. Нам встречались упоминания в этнографической литературе об аулах (сезонных хозяйственных объединениях) от 2 до 15, иногда – 25, и реже – до 50 юрт.

Название раздела 5.3 «Торгівля та ремесла» [2, с. 214–218] само говорит за содержание. Но и здесь не все так гладко: автор, например, сталкивается с вопросами тюркской терминологии, которую он черпает из вторичных работ безотносительно к конкретным данным о кыпчаках [2, с. 215]. В другом месте мы встретим утверждение о том, что «значні прибутки» кыпчакам приносила работорговля [2, с. 217], но приведенный материал не настолько однозначен, чтобы можно было это утверждать. Между прочим, именно в этом разделе тематически удачнее бы смотрелся пассаж о торговле лошадьми, начинающий абзац на с. 199.

Если относить сферу религии к социальной жизни, то может обратить на себя некоторое внимание шестая глава «Релігія в кыпчаків» [2, с. 244–270], посвященная, соответственно, вопросам, связанным с религиозными воззрениями населения Дешт-и Кыпчака. Мы не можем углубляться в разборы приведенных фактов, отметив лишь, что, как и других частях книги, эта характеризуется богатством материала, но совершенно неупорядоченного, в частности, не учитывающего историко-культурного контекста. На первый взгляд, интересный для социальной проблематики подраздел «“Половецькі баби” та культ предків» [2, с. 248–253], оказывается, посвящен, скорее, очерку истории изучения и интерпретации «половецких» каменных изваяний, а существование у кыпчаков культа предков для автора монографии – аксиома, а не вывод.

Вообще автор часто прибегает к привлечению данных о кочевниках евразийских степей различных эпох, пытаясь говорить о тех или иных явлениях в социуме кыпчаков, зачастую не приводя никакого конкретного материала из источников. Сам этот прием безоговорочного использования экстраполированного материала, относящегося к другим эпохам, не менее опасен, чем абсолютизация сведений о кыпчакских племенах, проживавших в разных географических ареалах, а, соответственно, в разных историко-культурных условиях. Сам Я.В. Пилипчук не раз использует формулировку

«соціальний розвиток кипчаків» [2, с. 14 и др.], характеризуя его при этом как «динамічний та суперечливий процес» [2, с. 10]. Соответственно, мы должны ожидать характеристик каких-то социальных трансформаций, специфических, как, к тому же, представляется, для каждого региона. Речь идет не о приводимых в книге фактах перехода отдельных групп кыпчаков на службу к различным правителям оседлых владений или об обращении отдельных групп в ту или иную религию, а именно об особенностях социально-политической организации, социальной структуры, механизмов власти и т.д. Ничего подобного в книге мы не найдем.

В заключении книги, «Загальні висновки», [2, с. 271–276] приводится обобщение выводов по главам, но социальной проблематике там посвящен один скромный абзац [2, с. 275].

Таким образом, книга содержательно не только не соответствует своему названию, но также и исследовательскому жанру. Автор, безусловно, демонстрирует знание источников и литературы касательно избранной тематики, но справиться со всем этим массивом материала не в состоянии. Он совершенно не работает с источниками, основываясь преимущественно на переводах или чужих выводах, которые просто пересказывает, не имея возможности ни проверить, ни подтвердить, ни опровергнуть, а, соответственно сделать какие-то свои самостоятельные заключения. То, что выдается за авторские выводы, это, в основном, молчаливо, без какого-либо внятного для читателя обоснования, принятые точки зрения тех или иных исследователей.

Гораздо больше автору книги удастся написать разделов, связанных с изложением событийной истории, то есть, по сути, фактография, но и то в тех случаях, когда он работает с вторичными источниками. Сведение фактического материала, почерпнутого из источников в том виде, каком он может с ними работать, получается бессистемным, несмотря на его обилие.

Все эти свойства сводят сущность работы, по сути, к компиляции, местами добротной, местами неумелой. Работа воспрималась бы совсем по-иному, если бы автор преподносил ее не как исследование, а как, например, научно-популярное издание или справочное пособие. Именно в этом, наверное, состоит наибольшая ценность рецензируемой книги.

Резюмируя все вышесказанное в отношении монографии Я.В. Пилипчука, приходится признать, что работа не закрывает имеющейся в науке лакуны, а «социальная история кыпчаков» все еще ожидает своего исследователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 336 с.
2. Пилипчук Я.В. Соціальна історія кипчаків у IX – XIII ст. Київ – Вінниця: Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова, ТОВ «ТВОРИ», 2018. – 340 с.

REFERENCES

1. Khazanov AM. *Social history of the Scythians [Sotsyal'naya istoriya skyfov]*. Moscow: Nauka, 1975. (In Russ.).
2. Pilipchuk YV. *Social history of Qipchaqs in the IX - XIII centuries*. Kiev - Vinnitsa: National Pedagogical University of M.P. Dragomanova, "CREATIVITY" [Sotsial'na istoriya

3. *Пилипчук Я.В.* Монгольське завоювання Дашт-і Кипчак у XIII ст.: автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук: 07.00.02 / Пилипчук Ярослав Валентинович. Київ, 2010. 16 с.

4. *Пилипчук Я.В.* Дешт-и Кыпчак на стыке цивилизаций. Уфа: Уфимский филиал МГГУ им. В.А. Шолохова, 2015. 247 с.

5. *Пилипчук Я.В.* Етнополітичний розвиток Дашт-і Кипчак у IX–XIII ст. К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського, 2013. 288 с.

6. *Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В.* Средневековые кочевники на границе Европы и Азии: колл. монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.

7. *Пилипчук Я.В., Сабитов Ж.М.* Очерки этнополитической истории кыпчаков [Essays on Ethnic and Political history of Kipchaks]. Астана, Гылым, 2015. 248 с.

8. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* [Рец. на] Пилипчук Я.В., Сабитов Ж.М. Очерки этнополитической истории кыпчаков [Essays on Ethnic and Political History of Kipchaks]. Астана, Гылым, 2015. 248 с. // Восток (Oriens). 2017. № 6. С. 210–218.

9. *Кычанов Е.И.* Сведения в «Юань-ши» о переселениях кыргызов в XIII в. // Известия Академии наук Киргизской ССР. 1965. Т. V. Вып. 1. С. 59–65.

10. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* Происхождение Теркен-хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада: к проблеме соотношения этнонимов в восточном Дешт-и Кыпчаке в XII - начале XIII вв. в исторических источниках // Материалы II-й научной конференции средневековой истории Дешт-и Кыпчака. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2018. С. 83–103.

11. *Golden P.B.* Cumanica IV: The Cuman-Qırcaq Clans and Tribes // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1995–1997. Vol. IX. P. 99–122.

12. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* Хорезм, восточные кыпчаки и Волжская Булгария в конце XII – начале XIII вв. // Золотая Орда в мировой истории: коллект. монография / рук. Проекта В. [В.] Трепавлов; отв. ред. И. [М.] Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 25–41.

13. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний

кыпчаків у IX – XIII ст. Kyiv – Vinnytsya: Natsional'nyy pedahohichnyy universytet im. M. P. Drahomanova, TOV «TVORY»,], 2018. (In Ukr.)

3. *Pilipchuk YV.* *Mongolian conquered Dasht-i Kipchak in the XIII century [Monhol's'ke zavoyuwannya Dasht-i Kypchak u XIII st]: abstract of a dis... of the candidate of historical sciences: 07.00.02 / Pilipchuk Yaroslav Valentinovich.* Kiev, 2010. (In Ukr.).

4. *Pilipchuk YV.* Desht-i Kipchak at the junction of civilizations [Desht-y Kypchak na styke tsyvylyzatsyy]. Ufa: Ufa Branch of Moscow State University for the Humanities V.A. Sholokhov, 2015.247 s. (In Russ.).

5. *Pilipchuk YV.* *Ethnic political development Dasht-i Kipchak in IX–XIII centuries [Etnopolitychnyy rozvytok Dasht-i Kypchak u IX–XII st.].* Kiev: A.Y. Krymsky Institute of Consciousness, 2013.

6. *Ivanov VA., Garustovich GN., Pilipchuk YV.* *Medieval nomads on the border of Europe and Asia: coll. Monograph [Srednevekovye kochevnyky na hranytse Evropy y Azyu: koll. monohrafyya.].* Ufa: Publishing House of BSPU, 2014.

7. *Pilipchuk YV., Sabitov ZM.* *Studies on Ethnic and Political History of Kipchaks [Ocherky étnopolytycheskoy ystoryy kypchakov].* Astana, Gylym, 2015.

8. *Timokhin DM., Tishin VV.* [Review of] *Pilipchuk Ya. V., Sabitov Z.M.* *Essays on Ethnic and Political History of Kipchaks [Ocherky étnopolytycheskoy ystoryy kypchakov].* *Vostok.* 2017. № 6: 210–218.

9. *Kychanov EI.* Information on "Yuan-shi" on the resettlement of the Kyrgyz in the XIII century [Svedenyaya v «Yuan'-shy» o pereselenyyakh kyrhzyov v XIII v. *Proceedings of the Academy of Sciences of the Kyrgyz SSR.* 1965. Vol. V. Issue 1: 59–65.

10. *Timokhin DM., Tishin VV.* The origin of Terken-Khatun, mother of the Khorezmshah Al Al-Din Muhammad: to the problem of the correlation of ethnonyms in eastern Desht-i Kipchak in the XII - early XIII centuries in historical sources [Proyskhozhdnyye Terken-khatun, matery khorezmshakha Ala ad-Dyna Mukhammad: k probleme sootnosheniya étnonymov v vostochnom Desht-y Kypchake v XII - nachale XIII vv. v ystorycheskykh ystochnykakh] *Proceedings of the 2nd scientific conference on the*

мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

14. Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969. 240 с.

15. Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972. XLVIII, 989 p.

16. *Maḥmūd al-Kāšyarī. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk) / ed. and transl. with Introduction and Indices by R. Dankoff in collaboration with J. Kelly*. Cambridge, Mass.: Harvard University Office of the University Publisher, 1982. Pt. I. XI, 416 p.

17. Ramstedt G.J. *Kalmükisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. XXX, 560 S.

medieval history of Desht-i Kipchak. Pavlodar: NPF ECO LLP, 2018: 83-103.

11. Golden P.B. Cumanica IV: The Cumano-Qıpčaq Clans and Tribes *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1995-1997. Vol. IX: 99-122.

12. Timokhin D.M. Tishin V.V. Khorezm, eastern Kipchaks and Volga Bulgaria in the late XII - early XIII centuries [Khorezm, vostochnye kypchaky y Volzhskaya Bulharyya v kontse XII – nachale XIII vv.] *Golden Horde in world history: collective monograph [Zolotaya Orda v myrovoy ystoriyy: kollekt. monohrafyya] / Project manager V.V. Trepavlov; ed. I. M. Mirgaleev, R. Hautala*. Kazan: Institute of History S. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, 2016: 25-41.

13. Khazanov A.M. *Nomads and the outside world [Kochevnyky y vneshnyy myr]*. Issue 3, add. Almaty: Dyke-Press, 2002.

14. Kislyakov N.A. *Essays on the history of family and marriage among the peoples of Central Asia and Kazakhstan [Ocherky po ystoriyy sem'y y braka u narodov Sredney Azyy y Kazakhstana]*. Leningrad: Nauka, 1969.

15. Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972. XLVIII, 989 p.

16. *Maḥmūd al-Kāšyarī. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luyāt at-Turk) / ed. and transl. with Introduction and Indices by R. Dankoff in collaboration with J. Kelly*. Cambridge, Mass.: Harvard University Office of the University Publisher, 1982. Pt. I. XI.

17. Ramstedt G.J. *Kalmükisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. XXX.

Рецензия поступила в редакцию 26.01.2020 г.